

18+

Евгений Кропот

Тробоуждение мышления

История еще одной
неудачи

Евгений Кропот

**Пробуждение мышления.
История еще одной неудачи**

«Издательские решения»

Кропот Е.

Пробуждение мышления. История еще одной неудачи /
Е. Кропот — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-989932-3

Это про то, как одному молодому человеку захотелось узнать, как все на самом деле было, есть и будет с ним самим, вокруг него и вообще. И вот он старался, старался, старался... Про это и рассказ.

ISBN 978-5-44-989932-3

© Кропот Е.
© Издательские решения

Содержание

Только его	6
Перемещения в пространстве	8
Постижение места	9
Проблема самоидентификации	11
Проблема укорененности	13
Время литературы	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Пробуждение мышления История еще одной неудачи

Евгений Кропот

*Трудно найти, тяжело нести,
да кинуть жалко?
(Народная загадка)*

© Евгений Кропот, 2020

ISBN 978-5-4498-9932-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Только его

Давным-давно, когда мир еще был осенен присутствием Его, в маленьком северном городке жил-был мальчик. Это был совсем еще маленький мальчик, когда пришла весть о Его тяжелой болезни. И это была совершенно неправильная, невероятная весть, которая наутро должна была исчезнуть, смениться правильной, о том, что Он поправился и уже здоров, но она повторялась в своей невероятности вновь и вновь пока не стала вестью о Его смерти. Теперь говорили, что Он умер. Он, который не мог умереть, и пошли газеты с Ним в черной рамке и со словами – от них так легко бежали у мальчика слезы, слезы по Нему и по собственной жизни, должной вот-вот остановиться тоже, как и все-все другие жизни, ибо не убеждали. И мальчик просил боженьку в углу забрать его жизнь поскорее – он устал уже плакать. Но мамка с папкой пошли снова на работу, а бабушка пыталась впихнуть ему в рот напеченных пирожков: «Ешь давай, внучек, а то загнесси!» Все они как будто не знали того, что совершенно точно знал он: нельзя жить в мире, где нет Его.

Также довольно давно одному юноше довелось оказаться совсем на Севере, там, где «кругом сплошные лагеря». Только в них сплошняком было пусто: чистенько убрано, свеженько побелено, но пусто. А те, что в них когда-то сидели, жили теперь в своих домах вокруг, вместе с местными, что их тогда охраняли и получали за это зарплату. Как водится, за стол садились тоже вместе, разливали по кружкам и первым делом поминали Хозяина. Заводили разговор местные про то, как при нем было: и дрови-пороху давали, и снабжение вообще не в пример, да и зверя-рыбы в тайге тоже, при том, что народу раз в десять или сто здесь было поболее, и все потому, что порядок был, и каждый знал свое место.

– А деньги, слышь, за что платили? Эти бегали, а мы их ловили. Почитай, «за так», значит – куда им от нас. Да и бегали лишь в лето, а в осень-зиму никогда. «За так», почитай, а деньги хорошие.

Те, у которых место тогда было в зоне, кивали согласно головами и вспоминали иных, кто побежал и сгинул в тайге и кто не бегал, но все одно сгинул. И тоже соглашались, что теперь ни пороху, ни рыбы, ни денег – и все потому, что порядка нет, люди своего места не знают.

– Вон, геологи носятся по тайге на своих амфибиях, прости господи, все зверье распугали, а уж денег у них, денег-то... Недавно на Печоре, говорят, баржу с пивом в абордаж взяли, все пиво и вино к себе увезли и враз расплатились. Это ж какие дуровые деньги надо иметь, чтобы баржу купить? Нет, Хозяин скоро бы место им определил, таким самовластным.

Впечатлительный юноша тоже пил за Хозяина и знал совершенно точно: жить так нельзя, что Хозяина надо было кончать, если не в колыбели, то году в тридцать третьем точно. И он бы это сделал сам, нашел бы как, если б там оказался. Прикончил бы, и вместо всех этих лагерей – тайга нетронутая, и жизнь нормальная, и никто б теперь не помнил того Усатого. Также люди сидели бы за столом и разговаривали, но за спиной у них было бы другое прошлое.

Юноша совершенно точно знал, как нужно было сделать этот мир нормальным и счастливым тогда, но не знал, как поправить его теперь, какой такой винт в нем повернуть, чтоб он на верную дорогу выбрался, а что винт этот существует и человеку доступен – сомнений не имелось. Надо было только поискать хорошо.

— — — — —

– Это должно быть про «детство, отрочество, юность» твоего философа? Не очень вразумительно, но придурь уже тогда заметна.

– Ничего никакая не придурь. Впечатлительный был просто.

— — — — —

Поехал тогда юноша в университет учиться философии, чтоб разобраться с устройством мира этого. Может и поправить потом, где нужно, или другим указать, как им надлежит пово-

рачивать мир к счастью. Но разбираться там оказалось некогда: надо было сессии сдавать, водку пить и, главное, искать достойное место в самом высоком в этом мире университете. Забот невпроворот, и потом оттуда мир показался совсем не так плох: пожалуй, только дураков в нем могло быть поменьше, а денег у хороших людей побольше.

Так что вышел он оттуда молодым человеком с записью «Философ», с направлением дальше в науку, полностью примиренным и с собой, и с миром, безо всякого желания разбираться с последним, зато с желанием жить в нем красиво и с удовольствием, к чему, без сомнения, у него имелись всяческие основания. Все бы оно так, если б судьба не взбрыкнула, не понесла, не пронесла его мимо удела уже предназначенного, и вместо возвращения на знакомый этаж только в новом более высоком статусе погнала его по союзным просторам в поисках службы и крова.

Перемещения в пространстве

Он быстро узнал, что значит выпасть из обоймы, из своего коллектива и выкатиться на простор: люди на местах сплошь и рядом оказывались куда менее понятливыми и требовали от него совсем не того, про что он сессии сдавал.

Так было в выглядевшей нищей тургеневской провинции, где в тамошнем образцовом институте сидел безногий ректор и держал у своего кресла телефонный коммутатор, чтобы самому производить соединения своих сотрудников, если полагал это необходимым. Телефоны на всех кафедрах находились под замком, но студентам удавалось иногда улучшить момент и сообщить любимому ректору несколько добрых слов. Здесь упомянутому молодому человеку предлагали не просто службу, но участие в «Великом походе на жидов», которые, как оказалось, и сюда умудрились проникнуть и все здесь совершеннейше изгадить. Выказанное замешательство и очевидное отсутствие энтузиазма было расценено как глубокая порочность претендента на место и нечерноземные грязи ему бесславно пришлось покинуть.

Покинуть... Но на милом сердцу Севере он был принят-таки на службу на самую маленькую должность, которую смиренно выполнял некоторое время, пока не узнал, что в начальстве его полагают «антисоветчиком, развратником и алкоголиком». Понимая, что для одного человека всего этого слишком много, молодой человек поинтересовался основаниями для столь решительных заключений. На что ему было отвечено, что и так видно, а его задача не рыпаться и за три-пять лет упорного труда и примерного поведения доказать, что он исправился. Но молодой человек, по молодости и глупости, исправляться не захотел и немедленно поменял тепло родного дома на жизнь человека, адрес которого Советский Союз.

Цепь путешествий по столице от знакомых к незнакомым и обратно привела наконец к тому, что гостеприимная Одесса согласилась раскрыть ему объятия. Но новый поворот судьбы, совершеннейше внезапный, поднял его в самолете и опустил в не менее гостеприимную столицу Советского Закавказья, и опустил, как выяснилось потом, на долгие годы.

Остановка случилась не потому, что он захотел остановиться именно здесь. Напротив, перемещения в пространстве убедили его в том, что все места схожи лишь одним – во всех ему одинаково неуютно и отовсюду хотелось назад в славное, всем известное здание под шпилем: книжки читать, дурака валять. Ради пребывания в привычном душевном уюте принципами, идеалами высшими можно было б поступиться. Но ему не предложили.

Везде было невозможно жить, но здесь, в этом, по общему мнению, лучшем на земле месте, положение его отличалось тем, что отсюда нельзя было удрать, когда захочется. Впервые около молодого человека оказались другие люди, которые зависели от него и нуждались в нем, в том, чтобы он был постоянно рядом. А раз бежать нельзя, то надо было устраиваться, обживаться.

— — — — —

– Скука, скука, скука была везде... А парня жалко. Разумным мог стать человеком. Так больше и не повезло?

– Шут его знает? Смотря что везением считать.

– Успех. В жизни успех. Так был или как?

– «Или как». Говорю же – не знаю!

Постижение места

Обживаться, устраиваться в месте, показавшемся молодому человеку на первый взгляд (а после на второй, третий и последующие) наиболее чуждым из всех им осмотренных.

Чужое пространство. Здесь нигде не было линии горизонта, взгляд там, где отсутствовала стена соседнего дома, упирался в гору, упирался слишком близко, чтобы можно было вздохнуть полной грудью, распрямиться. Но эту спертость пространства оказалось совсем просто уравнивать каждодневными путешествиями на соседнюю горку: всего несколько минут и непостижимость дали освобождала душу. Можно было спускаться снова терпеть эту жизнь.

Чужая речь. Не другой язык с непонятными словами, с каким молодому человеку уже приходилось сталкиваться при осмотре одной из братских стран социализма, а непрерывный поток, в котором ухо не способно было вычленить ни единой фразы, наполненный странными звуками, воспроизвести какие его артикуляционный аппарат никогда не сможет, просто потому что не так устроен.

Непонятность речи казалась непреодолимой, значит, с ней надо было смириться, научиться в ней жить. Ощущение себя на людях замкнутым в коконе из звуков чужой речи, сперва странное, постепенно становилось привычным и естественным как самый простой и легкий способ побыть наедине с собой, так что вскоре зазвучавшая вдруг поблизости родная речь раздражала бесцеремонностью вторжения в покойное течение мысли. И покидать этот кокон было несложно, ибо окружающие легко, без явного неудовольствия переходили на родной ему русский, как только осознавали его непонимание.

Из этого своего непонимания молодому человеку удалось извлечь и чисто социальную пользу: его как «глухонемого» освободили от обязательного присутствия на всякого рода собраниях-совещаниях. Ими повсеместно была столь наполнена социалистическая действительность, что память об этом, вероятно, до сих пор мешает многим воспринимать утраченный мир как рай. Чувство законной свободы, когда сослуживцы влекутся в зал, было столь восхительным, что если бы он даже сумел преодолеть лень и выучил язык, то никому бы об этом не сказал, предпочел бы жить как разведчик.

Чужая жизнь. Она пришла сразу болтовней соседок под окнами, когда был день, и советская женщина – этот главный приводной ремень общества – обязана быть всегда и везде на работе, если не больна и не беременна. Пришла улицами, заполненными неспешно гуляющими людьми с лицами без привычного тавра заботы на них. Пришла соседом – подлинным героем улицы. Он вернулся из «зоны», куда ушел добровольно 12 лет тому сидеть за людей уважаемых. Зато присмотрен был он – там, а его семья – здесь. И теперь еще вовсе не стар, а дом уже полная чаша, жена ни дня не работала, дети ухожены, их будущее обеспечено, и сам на хорошей, «хлебной» должности. Его семье выпал шанс, и он, как подобает истинному мужчине, этот шанс не упустил.

Здесь жизнь имела чуждое молодому человеку устройство. Он пришел из мира, где семья была где-то там, позади массы других вещей поважнее: работа, скажем, друзья-подруги, принципы и идеалы, наконец, собственная свобода, – в мир, где семья была центром мироздания, тем самым, ради чего должен жить и умирать человек. Именно из нее производился расчет мира на «своих» и «чужих», и мир в результате обретал иерархическую стройность. Папа-мама, жена-дети, сестры-братья – в общем близкие, безусловно «свои» – это самое святое, ради них можно и должно все. После другие родственники – это «своя фамилия», она собирается раз два в год на свадьбах-похоронах, где обо всех и всем судачат, и самые уважаемые решают, кого куда нужно продвинуть, кого стоит пожурить, кому следует помочь и т.д., чтобы «фамилия» не терпела урона, напротив, ее влияние и уважение к ней в обществе росло. Следующий круг «своих» – это соседи, которые также имеют безусловное право на внимание и заботу. К ним

могут примыкать иные: друзья, сослуживцы, но «свои» однозначно очерчиваются последним кругом – своя нация, народ. По другую сторону все «чужие», чье существование человека заботить не должно, если оно не угрожает «своим».

— — — — —

– «Чужое, чужое!» Зря он. Пусть скучно, но верно. Так и здесь будет. Только не быстро.

– Кто знает, чего будет?

– Я знаю, что будет так, как я сумею сделать. Только вот как сумею, пока не знаю.

– То-то, не знаешь, тогда слушай дальше...

Проблема самоидентификации

Это был совершенно чужой молодому человеку мир. Свой остался там, далеко на Севере или в башне под шпилем. Тот, разумеется, был замечательно как хорош, особенно теперь на фоне этого. Во-первых, он прогрессивен и за ним будущее, а этот отсталый, родоплеменной пережиток какой-то.

Правда, лез тут местный голос со своим: «Почему? Почему?» Да потому, что в том человек свободнее, здесь, вдобавок к парткомам-КГБ-комсомолу, еще и семья, родственники, соседи – и все всё знают, и все лезут, и все учат жить: «На той не женись, с этим не дружи, там не служи! Ты позоришь семью, фамилию, нацию!» А в гробу ее, эту нацию! Там принцип выбора справедливее: «Главное, чтоб человек был хороший!» Какая у него нация, кому какая разница? И, главное, потому, что тот мир честнее, не в пример честнее лицемерного этого. В интересах фамилии сдают папа-мама нецелованную девушку в замуж, а муженек ей наследничка сбавляет, на природу их спровадит под присмотр родственничков и сам в Сочи «за белым мясом». Оправдываясь интересами семьи, идет человек на подкуп, взятки, воровство, в интересах нации сталкивает инородца с желанного для себя места и т. д. и т. п. Нет, в мире восторгается только тот мир, ибо он свободнее, справедливее и честнее! Этот обречен, очевидно.

Но приходилось слушать и того, который «Почему? Почему?»

И тот соглашался, что лицемерие плохо, только лучше ли честность и искренность, при которой бывшая нецелованная девушка свободно пару раз ходит замуж, потом скинет нажитое дитя родителям или государству, а сама в Сочи в качестве «белого мяса»? Так может быть свобода она не всем?

Плохо, когда благосостояние семьи из казнокрадства и взяток, а карьера из подсиживания и доносов, но только лучше ли, когда украденное проматывается все целиком, а семья остается нищей, ибо нехорошо в нее грязные деньги? Честнее ли спихнуть человека с желанного места под другим, не национальным предлогом? Суть в том, что богатства и власти на свете слишком мало и по справедливому их на всех все одно не поделишь, так пусть хоть семья останется, что достанется, она лучше сумеет сохранить и умножить.

Действительно, парткомы и КГБ здесь не нужны, где довольно родителей, родственников, соседей. Если без них там, по ту сторону Кавказа никак, пусть там будут. А здесь будет жизнь, основанная на других, на своих принципах, и она такой непременно будет, просто потому что такая она уже есть.

Но молодого человека эдак было не убедить, он уже выбрал тот мир в качестве своего – этот чужой. Однозначно. С «ними», которые в мире этом, ему все ясно – «они» не наши. Сложнее стало с «мы». Кто такие эти «мы»? Как она устроена эта самая «наша» жизнь?

Картина мира, с которым себя отождествлял молодой человек, не выглядела стройной, напротив, это были скорее отдельные яркие пятна в общей неопределенности, пятна в тумане.

В его мире нет безнадежно чужих людей, как нет и запертых дверей: кто бы ни пришел, раз пришел, значит, свой. В нем деньги весят мало, а слова человеческие – много. Здесь, если у человека есть дело, то «понедельник у него начинается в субботу». А отдых прост и безыскусственен: река, костер, гитара и вокруг друзья. В нем есть и семья, просто потому что два человека любят друг друга. Семья несокрушимая, как любовь. Не менее, но и не более. Не более, потому что свобода для человека здесь дороже всего, и всякие рамки и ограничения существуют только пока принимаются самим человеком. Когда они становятся оковами, то он может вышагнуть из них в мир, который весь его, ибо везде он дома. Мир этот все время манит человека в даль. Чем дальше нечто, чем недостижимее, тем значительнее, желаннее. Потому люди здесь, прорывающие горизонты в пространстве, времени, познании, столь непри-

хотливы, непритязательны, терпимы к тому, что окружает их непосредственно. И они честны и искренни, ибо вокруг них слишком мало почвы для лицемерия.

Еще больше проблем оказалось с идентификацией самого мира: где границы его во времени и пространстве, откуда он взялся и куда стремится?

Только на последний вопрос имелся ясный и простой ответ из самого этого мира: стремиться он в даль, с каждым новым мгновением расплескиваясь во Вселенной все шире и шире, включая в себя все больше и больше людей и, главное, даруя им все новые и новые возможности для их реализации. С ответом на первые два ясности было куда меньше.

Непосредственная пространственная привязка не удавалась просто потому, что не существовало такого солидного куска территории, где бы этот мир господствовал. Он скорее был в виде хаотично разбросанных кусочков, частичек. Чтобы их отыскивать, молодой человек сумел определить лишь общий себе ответ: мир этот там, где есть люди, что живут его принципами, то есть мир этот там, где «мы».

Он еще очень молод, значит, он, прежде всего, там, где молодежь, которой свойственно стремиться далеко куда-нибудь в пустыни, в тайгу «голубые города» строить, где не было еще ничего и можно с чистого листа делать правильную жизнь. Но и в обжитом уже мире он разбросан отдельными искрами везде, где есть люди беспокойные, с неодолимой тягой к иному, способные взрывать застоявшуюся косность и инерцию жизни и отворять людям новые, невиданные горизонты, тем самым превращая некоторых из них в новых граждан этого нового мира.

— — — — —

— Нет, дурь детская неистребима не только в народе. Тоже мне философ! Еще говорят – неудачи учат. Чепуха! Иначе откуда кругом было бы столько придурков? Понятно, сколько-то придурки положено всем философам, но у наших, согласись, она как-то особо заметна, выпирает даже у самых маленьких. Почему?

— Бог знает... Может в том дело, что в России первого ее философа сумасшедшим признали. По требованию общества. С того и повелось.

Проблема укорененности

Сложнее всего оказалось ответить на вопрос: откуда он взялся, этот «наш» мир, каковы его настоящие корни, наследником какой реальности он является?

Первая же реакция: никакой. А взялся он из человеческой головы, из идеи той самой счастливой жизни, какой хотели бы и могли жить люди. Идею эту люди теперь стали вживлять в реальность тем в первую очередь, что пытаются по ней жить, и потому как все большему числу людей это нравится, она может быть и не очень скоро, но завоюет весь мир или, по крайней мере, значительный его кусок.

Однако так просто молодому человеку отбиться не удавалось даже от самого себя, ибо подобный ответ сам порождал град других вопросов:

Откуда взялась сама эта идея? Давно ли она появилась в головах людей? Если недавно, то, что мешало ей появиться раньше? Если уже давно, то почему так долго не реализовывалась, что было главной помехой? Какого рода действительность благоприятна для ее реализации и почему? На чем основана уверенность в ее конечном торжестве?..

Вопросы шли «свиньей» и порождали у молодого человека чувство безнадеги, острое желание повернуться к ним... «спиной» и забыть. Забыть и жить себе по принципам того мира. Просто потому что так хочется. Жить себе и жить, и не снисходить до объяснений, оправданий, в том числе и себе самому.

Он так и делал временами. Жил себе, не задумываясь «почему» да «как» иногда подолгу, пока судьба опять, махнув копытом, не сбрасывала его в грязь, и, сидя в ней и отираясь, он принимался снова возиться с проклятыми «откуда» и «почему». Бог знает, как там было у других, а у него размышления своим источником имели житейские неудачи, пока, наконец, не стали дурной привычкой. Безусловно дурной, ибо, поселившись, она сумела отбить всякое желание хотя бы иногда являться к нему в судьбу столь же безусловной удаче. Удаче такой, чтобы «Ах!»

Предметом этих размышлений все чаще становилась советская действительность сама по себе. И его вполне можно понять, поскольку копыта судьбы топтали именно эту почву. Нет, молодого человека и теоретически по-прежнему занимал его возлюбленный мир, просто, потерпев неудачу с прямым обоснованием, он продолжал держать его как бы на периферии внимания, контролируя постоянно боковым зрением, чтобы если случится подходящий момент, тут же выдвинуть его в фокус.

Кроме того, советская действительность не совсем посторонний для его мира предмет. Несмотря на очевидную альтернативность, какая-то внутренняя связь между ними ощущалась: к примеру, и там и тут деньги были несущественны. Вернее, у этих миров был общий источник: и тот и другой сподобились родиться «на той далекой на гражданской», той самой, где «комиссары в пыльных шлемах» и «комсомольские богини». Возможность его мира родилась тогда как идея, овладевшая пусть не массами, но многими отдельными людьми, поэтому он мог стать уже тогда, и первые его ростки появились, однако были задавлены дремучей неграмотностью и массовым хамством, которое хотело всего и немедленно, потому и получило, что получило – железный кулак диктатуры. Она стала станovým хребтом советской действительности, тем, что определяло ее облик и характер – только власть сверху донизу, голая власть.

Лишь когда власть эта стала дряхлеть и в ееезде непрерывной сети появились прорехи, тогда возникла возможность появления другой жизни, не спрашивая соизволения у власти. И тогда, когда власть ослабила хватку, а люди достигли минимально необходимого для его мира уровня просвещенности, пришло время рождения его мира. То есть он рождался и жил в прорехах действительности уже сделанной, сотворенной по советскому образцу, там, где разползлись нити власти, вырастал из нее, как из почвы.

Насколько же укоренена была сама советская действительность? Была ли она капризом истории, державшимся остервенелым упрямством людей, который должен сгинуть, когда остервенелость неизбежно сойдет на нет, или она каким-то образом устаканится, войдет в берега некоторой нормы, где уже не будет требовать для своего продолжения от людей сверхусилий?

Вопросы противные, как и сама действительность, и они тоже «ходили толпой», но про нее можно было поспрашивать в книгах и у людей, у людей и в книгах... Что было важнее, молодой человек во всю жизнь так и не установил, но сам он пытался долгие годы ворошить книги, выискивая ту, что сумеет все объяснить, а люди случались сами и оказывались важнее книг. Впрочем, вслед за ними приходили другие книги такие, что «Ах!», но той единственной, искомой так и не нашлось.

— — — — —

— Тогда они были впустую, эти книги?

— Нет, тогда не впустую, тогда вместо жизни.

Время литературы

Тогда были такие места, где платили деньги за чтение книг. Просто так читаешь все, чего хочешь, и без всяких последствий, а тебе деньги дают. Скромные такие деньги, небольшие, но к ним уважаемый статус: «научный работник» назывался. Мест, разумеется, на всех не хватало, но молодому человеку судьба стульчик такой поставила.

Устроился он на нем и решил читать которые «про действительность». Сперва Канта-Гегеля в сторону отставил: непонятно все-таки писали, да и про другую жизнь. И нырнул в литературу, всякую: советскую, досоветскую, антисоветскую и даже ту, что в школе проходят. Читал себе и думал, думал и читал, а четкий образ советской жизни все не складывался, такой, из которого стало бы ясно, за счет чего она держится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.